

Мельников Павел Иванович

**В лесах Рассказано Андреем
Печерским**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович М.**
В лесах Рассказано Андреем Печерским: Часть 2 / Мельников Павел Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 388 с.

ISBN 978-5-519-96129-5

ISBN 978-5-519-96129-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лѣса, что кроютъ песчаное Заволжье прежде сплошнымъ кряжемъ между рѣками Унжей и Вяткой, тянулись далеко на сѣверъ. Тамъ соединялись они съ Устюжскими и Вычегодскими дебрями. Въ старыя годы тѣ лѣсныя пространства были заселены только по южнымъ окраинамъ — по „раменямъ“ — вдоль лѣваго берега Волги, да отчасти по берегамъ ея притоковъ: Линды, Кѣрженца, Ветлуги, Кокшаги. По этимъ рѣкамъ изрѣдка стояли деревушки, верстахъ на двадцати и больше одна отъ другой. Тамошній людъ жилъ какъ отрѣзанный отъ остальнаго крещенаго міра. Церквей тамъ вовсе почти не было, и русскіе люди своими дикими обычаями сходствовали съ сосѣдными звѣроловами, Черемисой и Вотяками; только языкомъ и отличались отъ нихъ. Дѣтей крестили у нихъ бабушки-повитухи, свадьбы-самокрутки вѣнчали въ лѣсу вокругъ ракитова кустика, хоронились Заволжане зря, гдѣ попало. „Жили въ лѣсу, молились пенью, вѣнчались вкругъ ели, а черти имъ пѣли“, такъ говаривали московскіе люди про лѣсныхъ обитателей Заволжскаго края...

Иной разъ наѣзжали къ нимъ хлыновскіе попы съ Вятки, но тѣ попы были самоставленники, сплошь да рядомъ

вѣнчали они не то что четвертые, шестые, да седьмые браки, отъ живой жены или въ близкомъ родствѣ. „Молодецъ попъ Хлыновецъ за пару лаптей на родной матери обвѣнчаетъ“, доселѣ гласить пословица про такихъ поповъ. Духовныя власти не признавали ихъ правильными и законными пастырями... Упрекая вятскихъ поповъ въ самочиніи, московскій митрополитъ говорилъ: „не вѣмы како и нарицати васъ и отъ кого имѣете поставленіе и рукоположеніе.“ * Но попы Хлыновцы знать не хотѣли Москвы: пользуясь отдаленностью своего края, они вели дѣла по своему, не слушая митрополита и не справляясь ни съ какими уставами и чиноположеніями. Такимъ образомъ почва для церковнаго раскола въ заволжскихъ лѣсахъ издавна приготовлена была. И нынѣшніе старообрядцы того края такіе же точно что ихъ предки — духовныя чада нѣзжихъ поповъ Хлыновцевъ. Очень усердны они къ православію, свято почитаютъ старыя книги и обряды, но держатся самоставленныхъ или бѣглыхъ поповъ, знать не хотятъ нашихъ архіереевъ. Архіереевъ и поповъ австрійской іерархіи тоже знать не хотятъ.

Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Попы Хлыновцы знать не хотѣли Москвы съ ея митрополитомъ, ихъ духовныя чада — знать не хотѣли царскихъ воеводъ, уклонялись отъ платежа податей, управлялись выборными, судили самосудомъ, московскимъ законамъ не подчинялись. Чуть являлся на краю лѣса посланецъ отъ воеводы или патріаршій десятильникъ, они покидали дома и уходили въ лѣсныя трущобы, гдѣ не сыскали бъ ихъ ни самъ воевода, ни самъ патріархъ.

Съ XVII столѣтія въ непроходимыя заволжскія дебри

* Митрополитъ Геронтій въ восьмидесятихъ год ахъ XV столѣтія.

стали являться новые насельники. Остатки вольницы, что во времена самозванцевъ и ляхолѣтя разбоемъ да грабежомъ исходили вдоль и поперекъ чуть не всю Русскую землю, находили здѣсь мѣста безопасныя, укрывавшія удалцовъ отъ припасенныхъ для нихъ кнотовъ и висѣлицъ. Бѣглецы холопы, пашенные крестьяне, не смогшіе примириться съ только-что возникшимъ крѣпостнымъ правомъ, отягощенные оброками и податями, слобожане, лишённые промысловъ, посадскіе люди, бѣглецы рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистнаго имъ иноземнаго строя: все это валомъ валило за Волгу и ставило свои починки и займки по такимъ мѣстамъ, гдѣ до того времени человѣкъ ноги не накладывалъ. Смуты и войны XVII вѣка въ корень распатали народное хозяйство; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явилось множество людей задолжавшихъ въ казну и частнымъ людямъ. Имъ грозили правезъ или вѣковѣчное холопство; избѣгая того и другаго, они тоже стремились въ заволжскіе лѣса. Тогда-то и сложилась пословица: „нечѣмъ платить долгу, дай пойдѣ за Волгу“.

Такова была закваска населенія заволжскихъ лѣсовъ, когда во второй половинѣ XVII вѣка явились туда новые насельники, бѣжавшіе изъ селъ и городовъ раскольники.

По скитскимъ преданьямъ, начало старообрядскихъ поселеній въ заволжскихъ лѣсахъ началось чудеснымъ образомъ. Во время „Соловецкаго сидѣнья“, когда царскій воевода Мещериновъ обложилъ возмущившихся старообрядцевъ въ монастырѣ Зосимы и Савватія и не выпускалъ оттуда никого, древній старецъ инокъ-схимникъ Арсеній дни и ночи проводилъ на молитвѣ передъ иконой Казанской Богородицы. А та икона была прежде комнатною царя Алексѣя, и пожалована имъ въ Соловки еще до па-

тріаршества Никона. Наканунѣ взятія монастыря царскою ратью истомился Арсеній стоя на молитвѣ, задремалъ. И будучи въ тонкомъ снѣ слышалъ онъ гласъ отъ иконы: „гряди за мною ничто же сумняся, и гдѣ я остановлюсь, тамо поставь обитель, и пока икона моя будетъ въ той обители, древлее благочестіе будетъ въ ней процвѣтать.“ И видѣлъ Арсеній что икона Богородицы въ выспрь поднялась и въ небесной высотѣ исчезла... Проснулся инокъ-схимникъ, иконы на мѣстѣ не было... На другой день взятъ былъ монастырь. „Соловецкихъ сидѣльцевъ“ въ кандалахъ перевезли на матерую землю, и здѣсь Арсенію удалось бѣжать изъ-подъ царскаго караула въ лѣса. Только-что ступилъ онъ въ лѣсную чащу, видитъ икону, передъ которой молился, грядетъ та икона поверхъ лѣса на воздухъ... Идетъ за нею изумленный и трепетный Арсеній. Передъ нимъ деревья разступаются, передъ нимъ сохнутъ непроходныя болота, передъ нимъ невидимая сила валежники врознь раскидываетъ. „Чудяся бывшему о немъ“, Арсеній идетъ да идетъ за иконою. И стала та икона въ лѣсахъ Чернораменскихъ, неподалеку отъ починка Ларіонова, на урочищѣ Шарпанѣ. И поставилъ тутъ Арсеній первый скитъ. *

Съ легкой руки соловецкаго выходца старообрядскіе скиты одинъ за другимъ возникали въ лѣсахъ Заволжья. Вскорѣ ихъ появилось больше сотни въ Черной Рамени,

* Шарпанскій скитъ существовалъ сто семьдесятъ лѣтъ и окончательно уничтоженъ въ 1853 году. Въ 1718 году въ немъ было 7 монаховъ и 44 монахини. Во послѣднее время мужской обители въ немъ уже не было, но женщины жило больше сотни. Это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ строгихъ скитовъ. Икона Казанской Богородицы, почитаемая старообрядцами чудотворною, находится съ 1849 года въ мужскомъ Керженскомъ Благовѣщенскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

въ лѣсахъ Керженскихъ, въ лѣсахъ Римскихъ и за рѣкой Ветлугой.

Въ скитахъ селились старообрядцы разнаго званія. Въ первыя десятилѣтія существованія раскола, отъ „Никоновыхъ повѣствовъ“ бѣжали не одни крестьяне и посадскіе люди, не одни простые монахи и сельскіе попы. Уходили и люди знатныхъ родовъ, изъ духовенства даже одинъ архіерей сбѣжалъ въ лѣса. * И въ Черной Рамени являлись знатные люди: изъ предѣловъ Смоленскихъ бѣжали туда Салтыковы, Потемкины и другіе. Основали они свой скитъ неподалеку отъ первоначальнаго скита Шарпанскаго. Давно лѣсомъ поросло старинное жилие богатыхъ и вліятельныхъ старообрядцевъ; но остатки градъ, погребныхъ ямъ, заросшихъ бурьяномъ могилъ и двѣнадцать надгробныхъ камней до сихъ поръ видны на урочищѣ, прозванномъ „Смольяны“.. Въ XVIII столѣтіи въ Комаровскомъ скиту была основана обитель Бояркина, названная такъ отъ того что была основана княжной Болховской и первоначально вся состояла изъ боярышень. Въ ея часовнѣ на вѣнцѣ иконы Спаса Нерукотвореннаго до послѣдняго времени висѣла Александровская лента съ орденскимъ крестомъ, ее носилъ Лопухинъ, дядя основательницы обители... Въ Оленевскомъ скитѣ одна обитель была основана Анфисой Колычевой, родственницей Святаго Филиппа митрополита... Когда старый Улангерскій скитъ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія сгорѣлъ отъ молніи, ударившей въ пору необычайную, въ самый крещенскій Сочельникъ, галицкая помѣщица Акулива Степановна Свѣчина со своею племянницей Ѳеодосѣей Ѳеодоровной Сухониной собрала разбѣжавшихся отъ ужаса

* Александръ, первый епископъ вятскій, бѣжалъ въ 1674 году въ Вычегодскіе лѣса.

матушекъ, привела ихъ на рѣчку Кѳзленецъ и поставила тутъ донныѣ существующій Улангерскій скитъ. Всѣ скитскіе жители съ умиленьемъ вспоминали какое при „боярынѣ Степановнѣ“ въ Улангерѣ житіе было тихое да стройное, да такое пространное, небоязное, что за разъ у нея по двѣнадцати поповъ съ Иргиза живало, и полиція пальцемъ не смѣла ихъ тронуть. *

Пребываніе въ нѣкоторыхъ обителяхъ лицъ изъ высшихъ сословій, не прекращавшееся со временъ смоленскихъ выходцевъ, а больше того тѣсныя связи „матерей“ съ богатыми купцами столицъ и большихъ городовъ возвышали тѣ обители передъ другими, куда поступали только бѣдныя, хотя и грамотныя крестьянки изъ окрестныхъ селеній. Такія обители считались какъ бы аристократическими, имѣли свои преданія. Этихъ преданій крѣпко держались, и за ихъ сохраненіемъ зорко смотрѣли настоятельница и старшія матери. Входя въ такія обители, даже въ число работницъ, „трудницъ“, не всѣмъ былъ доступенъ. Нужны были для того связи, чье-нибудь покровительство. Большею частью игуменьи и старшія матери наполняли такія обители близкими и дальними своими родственниками. Бѣдныя обители и небольшіе скиты не

* Въ Улангерскомъ скиту, Семеновскаго уѣзда, лѣтъ тридцать тому назадъ, жилъ раскольникій инокъ отецъ Іовъ, у котораго въ томъ же Семеновскомъ уѣздѣ, а также въ Чухломскомъ, были имѣнія съ крѣпостными крестьянами. Этотъ старикъ (Іона Михайловичъ Сухонинъ) былъ родственникъ Свѣчной, едва ли не племянникъ ея. Въ Улангерѣ, до самой высылки изъ скитовъ постороннихъ лицъ (то-есть не приписанныхъ къ скиту по ревизіи), жили двѣ дворянки, одна еще молоденькая, дочь прапорщика, другая старуха, которую мѣстные старообрядцы таинственно величали „дамою двора его императорскаго величества“. Дама эта дѣйствительно по мужу принадлежала къ разряду придворныхъ, но была вдова гоф-фурьера.

очень дружелюбно смотрѣли на эти „прегордыя“ общины, завидовали ихъ богатству, связямъ и почету, которымъ ото всѣхъ онѣ пользовались.

Съ первоначалу скиты Керженскіе, Чернораменскіе были учрежденіями чисто религіозными, какъ и наши монастыри. Они служили убѣжищемъ „не хотѣвшимъ новины Никоновы пріяти“, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ религіозный фанатизмъ ослабѣвалъ въ средѣ раскольниковъ, скиты теряли первоначальный характеръ, превращаясь въ рабочія общины съ артельнымъ хозяйствомъ. На дѣлѣ оказалось, что женскіе скиты были способнѣе усвоить такое хозяйство, чѣмъ мужскіе. Въ женскихъ твердо сохранялись и повиновеніе старшимъ и подчиненіе разъ заведеннымъ порядкамъ, тогда какъ въ мужскихъ своеволие, непокорность старшинамъ и неподчиненіе артельнымъ уставамъ въ корень разрушали общинное устройство. По мѣрѣ того какъ женскія общежитія умножались и годъ отъ году пополнялись, ряды скитниковъ рѣдѣли, обители ихъ пустѣли, и если не переходили въ руки женщинъ, разрушались сами собою, безо всякаго вмѣшательства гражданской или духовной власти. Ко времени окончательнаго уничтоженія Керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ * не оставалось ни одного мужскаго скита; были монахи, но они жили по деревнямъ у родственниковъ и знакомыхъ, или шатались изъ мѣста въ мѣсто, не имѣя постоянного пребыванія. Искатели иноческихъ трудовъ и созерцательной жизни удалялись въ лѣсныя трущобы и тамъ жили совершенными отшельниками въ вырытыхъ землянкахъ, иные въ срубленныхъ кое-какъ старческими руками кельяхъ. Но такихъ пустынниковъ было очень немного.

* Въ 1853 году.

Въ всѣхъ общежительныхъ женскихъ скитахъ хозяйство шло впереди духовныхъ подвиговъ. Правда, служба въ часовняхъ и моленныхъ отправлялась скитницами усердно и неопустительно, но она была только способомъ добыванія денежныхъ средствъ для хозяйства. Каждая скитская артель жила подаваніями богатыхъ старообрядцевъ, щедро даваемыми за то, чтобы „матери хорошенько молились“. И матери добросовѣстно исполняли свои обязанности: нелѣнно отправляли часовенную службу, молясь о здравіи „благодѣтелей“, поминая ихъ сродниковъ за упокой, читая по покойникамъ Псалтырь, исправляя сорочины, полусорочины, години и другія обычныя поминовенія. Подъ именемъ „канонницъ“, или „читалокъ“, скитскія артели отправляли въ Москву и въ другіе города молодыхъ бѣлицъ къ богатымъ одновѣрцамъ „стоять негасимую свѣчу“, то-есть день и ночь читать Псалтырь по покойникамъ, „на мѣстѣ ихъ преставленія“, и учить грамотѣ малолѣтнихъ дѣтей въ домахъ „христіанскихъ благодѣтелей“. Отправляли по разнымъ мѣстамъ и сборщицы съ книжками. Ежегодно къ празднику Пасхи такія сборщицы съѣзжались въ скитъ и привозили значительныя суммы денегъ и цѣлыя воза съ припасами разнаго рода и съ другими вещами нужными въ хозяйствѣ.

Въ стѣнахъ общины каждый день кромѣ праздниковъ работа кипѣла съ утра до ночи. Пряли ленъ и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и бѣлоручными работами: ткали шелковые пояски, лѣстовки, вышивали по канвѣ шерстями, синелью и шелкомъ, шили золотомъ, искусно переписывали разныя тетради духовнаго содержанія, писали даже иконы. Но никто на себя работать не смѣлъ, все поступало въ общину, и по назначенію настоятельницы, развозилось въ подарки и на бла-

гословеніе „благодѣтелямъ“, а они сторицею за то отдавали.

Главною распорядительницей работъ и всего обительскаго хозяйства была игуменья. Ей помогали: уставщица, по часовенной службѣ и по всему что касалось по религіозной части; казначея, у ней на рукахъ было обительское имущество, деньги и всякаго рода запасы, кромѣ съѣстныхъ, тѣми завѣдывала мать-келарь, въ распоряженіи которой была келарня, то-есть поварня, столовая. Уставщица, казначея, келарь и еще три-четыре, иногда и больше старшихъ матерей, называясь „соборными“, составляли нѣчто въ родѣ совѣта настоятельницы, рѣшавшаго обительскія дѣла. При настоятельницѣ обыкновенно „ходила въ ключахъ“ особая инокиня, завѣдывавшая частнымъ ея хозяйствомъ — ибо игуменѣ дозволялось имѣть частную собственность. Мать „ключница“ обыкновенно вела обительскую переписку и имѣла не послѣднее мѣсто въ обительскомъ совѣтѣ—„соборѣ“, какъ называли его. Иногда въ ключницахъ бывали и бѣлицы. Выборъ ключницы зависѣлъ отъ одной игуменьи.

Таково было внутреннее устройство скитскихъ обителей. Таково было устройство и въ обители Манеиной, богатѣйшей и многочислѣннѣйшей изъ всѣхъ обителей Комаровскаго скита, стоявшаго на Каменномъ Вражкѣ.

Въ лѣсахъ Черной Рамени, въ верхотінахъ Линды, что пала въ Волгу немного повыше Нижняго, среди лѣсовъ, промежъ топкихъ болотъ выдался сухой островъ. „Каменнымъ Вражкомъ“ зовутъ его.

Въ самомъ дѣлѣ мѣсто тутъ каменистое. Бѣлоснѣжнымъ кварцевымъ пескомъ и разноцвѣтными гальками усыпаны отлогіе берега рѣчекъ, а на поляхъ и по болотамъ тамъ и сямъ торчатъ изъ земли огромные валуны гранита. То осколки Скандинавскихъ горъ, на плававшихъ льдинахъ занесенные сюда въ давнія времена образованія

земной коры. За Волгой иное толкуютъ про эти каменные громады: послѣдніе де русскіе богатыри, побивъ силу татарскую, похвалялись здѣсь бой держать съ силой небесною и за гордыню оборочены въ камни.

Еще недавно на Каменномъ Вражкѣ стояло обширное селеніе; остатки его цѣлы. Съ виду селеніе то не похоже было на окрестныя деревеньки. Вокругъ его хоть бы крохотная полоска пашни. Не сѣяли, не жали на Каменномъ Вражкѣ, а въ каждомъ амбарѣ закромы круглый годъ ломились отъ-насыпнаго хлѣба. И золотистая пшеница кубанка, и чистая рожь яранская, и отборное сызранское пшено, и крупная греча, и тяжеловѣсный вятскій овесъ до верха наполняли скитскіе сусѣки. Въ клѣтяхъ и чуланахъ тѣсно бывало отъ мѣшковъ съ пушистою казанской крупчаткой, съ разными солодами и крупами, тогда какъ споконъ вѣка ни въ единомъ домѣ на Каменномъ Вражкѣ ни сохи, ни бороны не бывало. Въ тамошнихъ рѣченкахъ кромѣ рыбки-молявки ничего не водилось, а въ погребахъ засѣченные въ ледъ пересѣки стаивали полнымъ-полнехоньки съ осетриной, съ бѣлужиною, съ сибирскими рыбами: нельмой, муксунами и другими, а въ кладовыхъ бывали навѣшаны жирные донскіе балыки, толстые пуки визиги, вяленые судаки, лещи, сазаны. Никакого промысла на Каменномъ Вражкѣ не бывало, ни завода, ни фабрики, а всякаго добра водилось вдоволь. Люди тамъ какъ въ раю жили—никому не гребтѣлось какъ концы съ концами по хозяйству свести, откуда добыть деньгу—Богу на свѣчу, себѣ на рукавицы, на соль, на деготь, на ковъ, на приваръ, да на штофъ зелена вина какъ гребтится мужику рядовому. Выдайся годъ дородный, выдайся голодный, стой въ межень на Волгѣ десять четвертей, бреди черезъ нее курица, на Ка-